

Никита Елисеев

Михаил Борисович Мейлах, 1944 — филолог, литературовед, поэт и переводчик, специалист по романской и новейшей русской литературе. Один из авторов энциклопедии *Мифы народов мира* (1980). В 1975 году на основе своей кандидатской диссертации опубликовал монографию *Язык трубадуров*. В 70-е годы — научный сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Дружил с Иосифом Бродским. Трижды навещал его в ссылке. Получив от философа Якова Друскина, спасённые им рукописи Даниила Хармса и Александра Введенского подготовил ряд зарубежных научных изданий обэриутов, в том числе, совместно с Владимиром Эрлем, первое собрание сочинений Хармса (Бремен, 1978–1981). В 1983 году был арестован по обвинению в распространении антисоветской литературы и осуждён на семь лет лишения свободы. Его делу была посвящена статья: Молотков Г., Орлов Л. «Тихие диверсанты». *Нева* 3 (1985): 163–180. Вторым автором статьи был следователь, ведший дело Мейлаха. Освобождён с началом перестройки в 1987 году. Работал в Университете Антильских островов и Гвианы. С 2002 года — профессор Страсбургского Университета. Со времени мировой премьеры оперы Филиппа Эрсана «Tristia» на Дягилевском международном фестивале в Перми (2016), написанной на основе стихов советских и французских узников нацистских и советских концлагерей, участвует в спектаклях в качестве чтеца текстов В. Шаламова и А. Солженицына.

ЧЕЛОВЕК КАТАСТРОФЫ

Авантюрист

Всякий настоящий учёный — авантюрист. Авантюрист бросается в авантюры прежде всего потому, что ему интересно. Бескорыстно интересно. Тот же бескорыстный интерес ведёт и учёного. Филолога или биолога — неважно. «Мы стали часто видеться, а через два месяца поехали

в горы на Тянь-Шань (Гарик был дипломированным альпинистом). А ещё через два года пошли достаточно трудный Безенгийский перевал на Кавказе» (Мейлах 2017f: 810). Для чего филологу, исследователю поэзии трубадуров и обэриутов (чинарей) идти с дипломированным альпинистом в горы? Да, для того же, для чего исследовать поэзию рыцарей и последних русских авангардистов (первых поэтов советского андерграунда). То есть ни для чего, а просто потому, что интересно.

У любого большого значительного человека есть эпизод в жизни и судьбе, в котором Kern его характера, то есть его жизни и судьбы. «Через год-другой после смерти Сталина в Петербург прибыла эскадра английских военных кораблей¹. В школе <...> учительница нас строго предупредила, что если мы встретим на улице английских моряков, чтобы мы к ним ни в коем случае не подходили и, упаси боже, ничего у них не брали. Выйдя по дороге домой из школы на совершенно пустую Дворцовую площадь, я немедленно столкнулся с группой высоких, статных мужчин, одетых в морскую форму, и, забыв все предупреждения, вежливо с ними поздоровался. «Give him a penny», — сказал один из них, оказавшийся потом капитаном, и тут я, вспомнив научения учили, гордо ответил: «I'm not a beggar» — и повёл речь о Шекспире. За разговором мы дошли до шлюпки, ожидавшей моряков возле Дворцового моста, и капитан предложил мне посетить корабль. *Хотя я отдавал себе отчёт, что это добром не кончится* (курсив мой — Н. Е.), отказаться от того, чтобы побывать на военном корабле, да ещё и английском, я не нашёл в себе сил и сел в шлюпку, из которой по прибытии меня извлекли чьи-то здоровенные руки <...> По окончании (визита — Н. Е.) я был доставлен обратно той же шлюпкой, но извлечён из неё был ещё более здоровенными руками, которые уже меня не отпускали до тех пор, пока я не был доставлен в милицию, где начался первый в моей жизни допрос. Владение английским оказалось, к моему удивлению, отягчающим обстоятельством и повлекло дополнительный допрос о моих разговорах с англичанами. Я попытался объяснить, что о Шекспире моряки знали мало, поэтому с ними мы больше говорили о том, о сём, но мои новые собеседники о Шекспире не знали вовсе и куда-то звонили, чтобы узнать, кто этот агент. В милицию был вызван мой отец, с которым долго говорил кто-то главный, после чего я был сдан отцу

¹ 12–17 октября 1955 года в Ленинград с дружественным визитом прибыла эскадра английских военных кораблей в составе авианосца «Triumph» и пятерых кораблей сопровождения «Apollo», «Diana», «Chevron», «Decoy», «Chieftain». Это был первый дружественный визит английского военного флота после начала «холодной войны». Он совпал с одним из самых сильных наводнений в Ленинграде (Петербурге) за всю историю города. См. документальную повесть В. Аксёнова «Круглые сутки нон-стоп»: «Это была ночь настоящего наводнения, когда вода дошла сфинксам до подбородка. Стоявший тогда на Неве английский авианосец «Триумф» уже начал спускать шлюпки, дабы спасти «и страхом обуялый и дома тонущий народ», но страха не было и в помине, народ тонуть, кажется, не собирался, а наоборот, в эту странную ночь по всему Питеру расползлось какое то чуть чуть нервное, но бодрое веселье, и всюду были танцы» (Аксёнов 1976: 117).

на руки. Думаю, что случай этот для того времени настолько невозможен и невероятен, что дело решили замять» (Мейлах 2017b: 905).

Дело не только в том, что в своих воспоминаниях Михаил Мейлах даже не поминает наводнение (ну, мало ли их в Ленинграде было — неинтересно), но в ... авантюризме девятилетнего парня. Он вовсе не наивен и невинен. В 1955 году после блокады и послевоенного сталинского террора в Ленинграде не было наивных и невинных любого возраста. Он (не только из-за «научений учили») прекрасно знает, что добром его дружественный визит на борт английского военного корабля (прибывшего с дружественным визитом) не кончится, но ему слишком интересно. Такое приключение!

Этот авантюризм настоящего филолога прекрасно поняла Анна Ахматова, с которой молодой филолог почтительно дружил, так отреагировавшего на фантастическое получение письма от Бродского Мейлахом же: «Летом того же года я совершил путешествие по Северному морскому пути, от Архангельска до Владивостока. Часть пути я проделал на полуледоколе «Индиگیرка»², который тремя годами раньше вёз советские ракеты на Кубу и явился причиной Карибского кризиса (от всего этого осталась замечательная фраза Хрущёва: *во-первых, мы ракет на Кубу не размещали, во-вторых, мы их оттуда уже увезли*). Кстати, несмотря на то, что Иосиф (Бродский — Н. Е.) пострадал именно в хрущёвские времена³, к самому Хрущёву он относился с симпатией — за его своеобразную манеру себя вести, но прежде всего за то, что он выпустил на свободу сталинских узников. Возле острова Диксон вертолёт сбросил на палубу мешок с почтой, в котором были письма из дому и от друзей, в том числе от Иосифа и от Жени Рейна⁴ <...> Возможно, что мотивы затёртого льдами корабля в написанном именно в это время стихотворении Бродского «Письмо в бутылке» («Entertainment to Mary») связаны с моим ледовым походом. В связи же с некоторыми эпизодами того же похода не могу отказать себе в удовольствии привести слова Ахматовой, говорившей: *«Такие истории случаются только с Мишей Мейлахом»* (Мейлах 2017f: 810).

Никаких *таких* историй Мейлах не рассказал. Рассказал только про ледовой поход и про упавшие с неба на палубу корабля, возившего ядерные боезапасы на Кубу, письма от двух поэтов, одного будущего нобелевского лауреата, другого будущего лауреата Государственной премии, но эти

² Дизель-электроход «Индиگیرка», построенный на голландской верфи «Шельда» (Флиссенген) выведенный из состава флота в 1982, в составе 86 судов принимал участие в секретной операции «Анадырь» по перевозке на Кубу советских ракет и ядерных боезапасов. С 16 сентября по 5 октября 1962 года в кубинский порт Мариэль из советского Североморска «Индиگیرкой» было доставлено свыше 160 ядерных зарядов.

³ Дело Бродского (18 февраля — 20 марта 1964) проходило за несколько месяцев до снятия Хрущёва с поста Первого секретаря ЦК КПСС (октябрь 1964).

⁴ Рейн, Евгений Борисович, 1935 — поэт. Лауреат Государственной премии Российской Федерации (1997). Близкий друг Иосифа Бродского. Бродский неоднократно говорил о сильном влиянии на него поэзии своего друга.

истории уже стоят того, чтобы сказать: такое может произойти только с настоящим авантюристом. И настоящим филологом, который проживает жизнь, как текст. Внимательно наблюдает за тем сором, из которого вырастают великие стихи — мотивы стихотворения «Письмо в бутылке»: затёртый во льдах корабль и моё ледовое путешествие.

Филология для Мейлаха такое же приключение, как и сама жизнь. Он с готовностью подпишется под мандельштамовским из *Четвёртой прозы*: «Чем была матушка филология и чем стала ... Была вся кровь, вся нетерпимость, а стала псякрев, стала всетерпимость...» (Мандельштам 1991: 8). То, то с такой явной симпатией он пишет об «Иване Аксёнове⁵ — переводчике елизаветинцев» (Мейлах 2017а: 548–567). Казалось бы: научная, филологическая статья о первых переводах драм современников Шекспира на русский язык с чётким указанием достоинств этих переводов и их недостатков (связанных, как это всегда бывает, с достоинствами), с обнаружением того, что путь, по которому шёл первый переводчик елизаветинцев вовсе не был тупиковым, а напротив — плодотворным⁶, но видно же с каким удовольствием приводит Мейлах название шекспироведческой книги самого Аксёнова.

Сам Мейлах аккуратно называет это название «стилизированным», но для 1930 года (года выхода книги) — оно абсолютно хулиганское, авантюристическое: «“Гамлет” и другие опыты в содействие отечественной шекспирологии, в которых говорится о медвежьих травлях, о пиратских изданиях, о родовой мести, о счётных книгах мистера Генсло, о несостоятельности формального анализа, о золотой инфляции в царствование королевы Елизаветы, о тематическом анализе временной композиции, о переодевании пьес, о немецком романтизме, об огораживании, о жизни и смерти английского народного театра, о классовой сущности догмата о божественном предопределении а также о многих иных любопытных и назидательных вещах».

⁵ Аксёнов Иван Александрович, 1885–1935 — поэт, переводчик, искусствовед. Идеолог футуристической группы «Центрифуга». Автор первой монографии о Пикассо (*Пикассо и окрестности*. Москва, 1917), первого монографического исследования творчества С. М. Эйзенштейна (*Сергей Эйзенштейн. Портрет художника*, издано впервые в 1991 году). Ближайший сподвижник В. Э. Мейерхольда. Первый ректор созданных Мейерхольдом Высших Театральных Мастерских (ГВЫТМ-ГВЫРМ, 1922–1923). В годы гражданской войны занимал высокие посты в Красной Армии. Председатель ВЧК по борьбе с дезертирством.

⁶ «<...> рецензия Аксёнова на изданный в 1934 году, ставший затем классическим перевод “Гамлета” М. Л. Лозинского, к которой впору было бы поставить эпитафию «победителю ученику от побеждённого учителя» (Лозинский, разумеется, учеником Аксёнова никогда не был, но с точки зрения принципов перевода самого Аксёнова можно считать его неудачным предшественником Лозинского). Создаётся впечатление, что Аксёнов с удивлением убеждается, что переводчику, придерживающемуся тех же принципов, что он сам (соблюдение числа стихов и до известной степени следование за синтаксисом оригинала), и которыми он, Аксёнов, извинял своё насилие над русским языком, без подобно-го насилия удаётся обходиться!» (Мейлах 2017а: 565).

Видно же, ощутимо, с какой симпатией, с каким уважительным удивлением Мейлах пишет об обстановке, в которой Иван Аксёнов переводил елизаветинцев. Фронт первой мировой войны, в окопах, в перерывах между боями. «Аксёнов замечает, что недостатки его труда ему виднее, чем кому-либо из будущих судей, и что этими недостатками он дорожит, не привлекая к своему оправданию обстановку, в которой ему приходилось работать (т. е. находясь в действующей армии — см. об этом выше, однако *по здравому смыслу* (курсив мой — Н. Е.), перевод подобных текстов, требующих знания исторических реалий, текстов, само понимание которых нередко вызывает трудности, вообще немыслим в той глубокой провинции, где воевал Аксёнов, не имея доступа к библиотекам, к справочной литературе и т. п.)» (Мейлах 2017a: 558).

Самые главные слова, я выделил: «по здравому смыслу». Вне всякого здравого смысла Иван Аксёнов бросился в авантюру: переводить елизаветинцев в окопах. И без дополнительного «в окопах», в глубокой провинции переводить елизаветинцев невозможно. А он перевёл! Да, с ошибками (Мейлах их тщательно и добросовестно перечисляет), но перевёл! Прямая аналогия с личным и близким другом Мейлаха, Бродским, который в ссылке, в Норенской, (глубже провинции и быть не может) берётся за перевод Джона Донна и поэтов-метафизиков XVII века.

«Я помогал Иосифу разбирать стихи Джона Донна, которого он хотел переводить. У него, как ни странно, не было англо-русского словаря, а был лишь колоссальный толковый Webster, и нас поставили в затруднение слова *poor aspen wretch* в донновском стихотворении «The Apparation», где бывшей возлюбленной, убившей поэта своим презрением, является его призрак, при виде которого «негодница задрожит, как осина (*aspen*)». Ботанических познаний ни у Иосифа, ни у меня не хватило, и в его переводе так и осталась строка, где слово переведено по созвучию:

Тогда, о бледный Аспид мой, бледна,
В серебряном поту, совсем одна,
Ты не уступишь в призрачности мне.

По возвращении в Ленинград я послал Иосифу большой англо-русский словарь» (Мейлах 2017f: 811).

Это не просто мандельштамовская «тоска по мировой культуре». Нечто большее: «азарт к мировой культуре», авантюрное переживание, постижение культуры, как приключение, как опасный поиск клада где-нибудь на стивенсоновском *Острове сокровищ*. Об этом впрямую говорит сам Бродский в беседе с Мейлахом: «Но в то время что-либо вообще попадалось очень редко, и я на всё набрасывался. Может быть, в этом даже некоторое достоинство того времени — культура становилась твоей собственной добычей, а не просто бралась с полки. Тогда к ней по-иному и относишься, полнее её впитываешь. Это азарт охоты, добычи вместо повседневного питания» (Мейлах 2017d: 829).

«Весёлая наука»

Авантюризм неотделим от весёлости. Мрачных авантюристов не бывает. Если почитать мемуарные очерки Михаила Мейлаха о — прямо скажем — трагической поре русской филологии, оказавшейся под цензурным, идеологическим, политическим прессом тоталитарного государства, чьи дни были сочтены (но кто же об этом тогда знал), невольно удивишься, сколько в этих очерках ... смешного. Может, и обэриуты привлекли страстное внимание Мейлаха из-за их своеобразного юмора.

Это объяснимо: смех — оружие слабых. Когда тебе нечего противопоставить превосходящему тебя противнику, приходит черёд смеху. О чём, кстати, и написано лучшее анти-тоталитарное произведение: «Истребление тиранов» Владимира Набокова (Сирина). Об этом же короткий мемуарный текст Мейлаха: «Софья Викторовна Полякова⁷, или Об одном прециозном идеолекте» (Мейлах 2017е: 934–942). Софья Викторовна Полякова обучала Михаила Мейлаха древнегреческому языку. Вместе с ней Михаил Мейлах написал серьёзное филологическое исследование: «Поэтика Даниила Жуковского» (Мейлах 2017е: 525–548)⁸. Тем оглушительнее эффект от очень смешных воспоминаний про неё и про созданный ей и её кругом особый жаргон: «прециозный идеолект».

«Неисчерпаемым источником макаронического словотворчества служило создание русских слов по моделям других языков: например, *спички* с помощью французского суффикса превращались в *спинеты*, французскую филологию называли *французения*, мои провансальские штудии — *пованасалюзия*. <...> Когда требовалось сказать “Сегодня холодно”, говорилось: “Сегодня жуткий хлад и могилбоген” <...> Одно время к именам почему-то добавлялось слово *убогий*: “Пришёл Пётр убогий”. “Прийти куда-нибудь напрасно” <...> обозначалось выражением “поцеловать ручку двери” <...> Собственно мат избегался, но допускались гробианизмы, остраемые цитированием Аристофана, Плавта или Катутла, либо заменой, опять-таки, суффиксов, например, на латинские (“под зад пинаре”), либо эллиптическими цитатами (например, говорилось: “Ах, у дуба”, но без продолжения)⁹ <...> партию называли “курией” (такой-то — “член курии”, худший из возможных отзывать), а партсобрание по первому стиху первого псалма — “со-

⁷ Полякова Софья Викторовна, 1914–1994 — филолог-классик, переводчица на русский язык древнегреческих и византийских авторов, детская писательница, исследовательница поэзии Николая Олейникова, Осипа Мандельштама, Андрея Белого, Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Софии Парнок. Работы Поляковой об этих поэтах изданы посмертно в 1997 году в собрании её статей: «Олейников об Олейникове» и другие работы по русской литературе — Санкт-Петербург, ИНАПРЕСС, 1997, 381 с. Собрание стихотворений Софии Парнок под редакцией и с предисловием С. В. Поляковой было издано в 1979 году в американском издательстве «Ардис». В России переиздано спустя четыре года после смерти С. В. Поляковой.

⁸ Жуковский, Даниил Дмитриевич, 1909–1938 — поэт, переводчик, математик, исследователь поэтики. Прототип главного героя романа Дм. Быкова *Остромов, или Ученик чародея* (2010). Арестован в 1936. Расстрелян в 1938.

⁹ Продолжение: «ах, у ели».

ветом нечестивых»¹⁰ <...> Вместо “туда” говорили, цитируя одновременно Гёте и Пастернака, “dAhin, dAhin”, но нарочно с ударением на первом слоге. <...> Вместо “созвонимся” предпочитали сказать, обыгрывая название ключевого сборника — “устроим сосен перезвон”, а вместо “признать свою ошибку” — “осознать свою роковую неправоту”» (Мейлах 2017е: 939, 941).

Компания, чьим восприимчиком и учеником стал Михаил Мейлах, воспринимала филологию, как ... «весёлую науку» (по словам Ницше). Отсюда — такая любовь к игре, к пародии. Причём, на редкость умелой пародии. Две строчки из бесконечного пародийного продолжения *Поэмы без героя* Анны Ахматовой, которое сочиняли Полякова и её друзья, свидетельствуют о высоком литературном качестве всей пародии:

«Он принёс мне Махабхарату
И заставил её прочесть» (Мейлах 2017е: 938).

Всё это веселье сцеплено с совсем не весёлыми обстоятельствами жизни и работы всех этих учёных: «Настоящий же скандал связан был с её переводом памятника, уклончиво названного ею “Византийские легенды”¹¹. С опозданием — книга уже вышла и была мгновенно распродана — “легенды” были разоблачены как жития византийских святых, каковыми и являлись, и могли быть переизданы уже только в эпоху перестройки¹². После этой истории С. В. (Софья Викторовна Полякова — Н. Е.) долго в “Памятниках” не печатали — она говорила, что её основным жанром стал жанр заявки» (Мейлах 2017е: 936)¹³.

Люди, которые бросались на закрытую для них мировую культуру, как на добычу, сами становились дичью, на которую вело охоту государство. Без авантюризма и особой, лихой весёлости, свойственной авантюристам в этих условиях было не прожить, не поработать. Во всяком случае, не поработать по-честному.

Герой

С Михаилом Мейлахом случилось то, что в России случилось только с одним крупным филологом, с Виктором Шкловским¹⁴, он стал героем литературного произведения. То, что произведение это задумывалось, как злой памфлет, то что сам он должен был быть в этом произведении не героем, а антигероем (а стал героем и настоящим героем) только усиливает значение этого литературного, культурного факта.

¹⁰ «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых» (Пс. 1:1)

¹¹ *Византийские легенды* / Изд. подгот. [и статью написала] С. В. Полякова; АН СССР. — Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1972, 303 с.

¹² *Византийские легенды* были переизданы трижды: в 1994, 2004 и 2010 годах.

¹³ Подготовленный Поляковой ещё в 1965 году том *Византийской любовной прозы* был напечатан спустя год после её смерти в 1995.

¹⁴ Шкловский Виктор Борисович, 1893–1984 — писатель, литературовед, критик, киновед, сценарист. Один из создателей русского формализма. Прототип Некрылова — герой романа В. А. Каверина *Скандалист, или Вечера на Васильевском острове* (1928).

В конце концов, и *Дон Кихот* был задуман, как пародия на рыцарские романы, и Алонсо Кехано должен был стать карикатурой рыцаря, а стал воплощением рыцарства. Перефразируя Сталина, можно сказать: «Автор памфлета “Б. Б. и др.”» (Найман 1997: 11–79) нимало «не повинен» в эстетическом эффекте своего романа¹⁵.

Кстати, пощёчина, которую заработал автор от героя, вписана в текст его романа. Если бы Дон Кихот прочёл роман Сервантеса, он заколот бы Мигеля де Сааверду. Омри Ронен¹⁶ (человек во многом близкий Михаилу Мейлаху) говорил мне, что он целиком и полностью за дуэли. И если бы сейчас были дуэли, то он с охотой стал бы секундантом Михаила Мейлаха, если бы после публичной пощёчины автор романа *Б. Б. и др.* послал бы вызов на картель.

Между тем эстетический эффект романа (в котором автор ничуть не повинен) оглушительный. Перещёлк читательских симпатий почти такой же, как в стихотворении Тютчева «14 декабря 1825», где поношение и брань превращают себя в высокую оду: «О, жертвы мысли безрассудной! Вы уповали, может быть, что хватит вашей крови скудной, что вечный полюс растопить? Едва дымясь, она сверкнула на вековой громаде льда, зима железная дохнула и не осталось ни следа». Реципиент не может не то, что сочувствовать, но восхищаться теми, кто бросил безнадежный вызов вековой громаде льда и железной зиме.

«С этого времени следствие покатилося рутинно, бесконечно, с наработанными и уже не работающими приемами, с ночными допросами и неделями без допросов, с карцерами и конфискацией передач из дому. Б. Б. воспринимал это как новые условия жизни, увы, крайне неприятные, однако отнюдь не его прежней жизнью вызванные, — или, если угодно, как условия новой игры, тупой и заведомо проигрышной, но требующей его участия. <...> Восточной гимнастике отдавал теперь гораздо больше времени, гораздо дольше и чаще стоял на голове, и когда однажды в такой момент вошел дежурный по этажу офицер и рявкнул “встать!”, он ответил не повышая голоса: “Я стою”, — и потом объяснил объявившему карцер старшему офицеру, что в тюремном уставе не сказано, каким именно вставанием надо встречать посещающее камеру начальство» (Найман 1997: 71).

На голове

Кажется, автор романа не до конца понял, какой символический памятник он создал герою, которого хотел окарикатурить. Альфред Хаусман¹⁷

¹⁵ «“Дни Турбиных” есть демонстрация всепокрушающей силы большевизма. Конечно, автор ни в какой мере “не повинен” в этой демонстрации» — Сталин И. С. Ответ Биль-Белоцерковскому (Сталин 1949: 329).

¹⁶ Ронен Омри, 1937–2012 — израильский и американский славист. Участник венгерского восстания 1956 года.

¹⁷ Хаусман Альфред Эдвард, 1859–1936 — поэт-эдвардинец, по профессии и образованию филолог-классик.

говаривал: «Если для Вас Эсхил¹⁸ дороже Манилия¹⁹, Вы — не настоящий филолог» (цит. по: Гаспаров 1998: 440). Эсхила знают все, даже те, кто его не читал. Даже имя Манилий известно далеко не всем. Теперь представьте себе ситуацию, где иерархия перевернута, где Эсхил забыт, а то и запрещён, зато Марк Манилий — классик. Ситуация культуры, которая стоит на голове. Эксцентрической такой культуры.

Образ этой исковерканной, поставленной с ног на голову культуры Михаил Мейлах даёт в своей автобиографической заметке «Пожизненно заключённые. Небеглые заметки об одной беглой библиотеке» (Мейлах 2017с: 767–769). «О том, что в изоляторе КГБ отменная библиотека, я уже слышал от одного из побывавших там друзей <...> Каталога, с которым могли бы знакомиться заключённые, в тюрьме не существует, есть кажется, какая-то опись, но экам она недоступна. Книги приходилось заказывать на авось, но отказа ни в чём не было. Я получил Пруста и Теккеря, Толстого и Диккенса, “Историю Древнего Рима” Моммзена и “Историю древнего мира” Тураева. Востоковедение вообще очень хорошо представлено в тюрьме, что прямо связано с тайной этой библиотеки. Слишком много было замучено востоковедов, и пора, наконец, сказать, что книги эти пахнут кровью: все они конфискованы у людей, попадавших в застенки. Более чем про какие-либо книги на свете, про них можно сказать *habent sua fata*. <...> Потребовав как-то раз без особой надежды Данте, я получил замечательное богато комментированное издание Камерини²⁰ начала века — имя как будто специально выбранное для камерных читателей. Я решил, что нашёл, наконец, время и место целиком прочитать “Божественную комедию” в подлиннике²¹ и что это последний шанс. По тем временам нераскаянному грешнику, каковым я был в светлых очах КГБ, следовало руководствоваться последним стихом дантовой надписи на вратах ада: *Lasciate ogne speranza, voi ch'intrate*, — прокурор Катукова²² меня любезно предупредила: “Ни Ленинграда, ни Ваших родителей Вы больше не увидите”. Я стал читать в день по одной Песни, и через три месяца и девять дней Комедия была окончена чтением. Немало мне в этом помог оказавшийся в тюрьме перевод Лозинского, поразительный не только по красоте, но и по точности» (Мейлах 2017с: 767–768).

¹⁸ Эсхил, 525 г. до н. э. — 456 г. до н. э. — великий древнегреческий драматург. Из 90 пьес, написанных им, сохранилось 6.

¹⁹ Манилий, Марк, I век н. э. — римский астролог и поэт. Над переводом и изданием его поэмы (одного из первых сохранившихся текстов по астрологии) *Астрономика* Альфред Хаусман работал с 1903 по 1930 годы.

²⁰ Камерини Эудженио, 1811–1875 — итальянский литературовед, эссеист и переводчик. Наибольшим успехом пользовался комментарий Камерини к *Божественной комедии* Данте (1869), много раз переиздававшийся.

²¹ Аллюзия на последнюю фразу из широко известного антисоветского анекдота: «Дорогой Веня, наконец-то, я нашёл время и место написать тебе письмо».

²² Катукова Инесса Васильевна, 1924–2006 — юрист, старший помощник прокурора г. Ленинграда (1964), ст. советник юстиции, прокурор (1969), прокурор по надзору Ленинградской прокуратуры (1990). Похоронена на Комаровском кладбище г. Санкт-Петербурга.

В ситуации такой культуры вынужденно быть авантюристом или героем, чтобы совершить рывок к настоящей филологии. Ибо произошла социальная катастрофа. Михаил Мейлах стал человеком этой социальной катастрофы, подбирающим и собирающим остатки и останки недоуничтоженного, буде то поэзия обэриутов Хармса и Введенского или неоконченный труд расстрелянного Даниила Жуковского «Слово — Образ — Звук». Он, может, и поэзией провансальских трубадуров заинтересовался потому, что они — обломки, остатки провансальской культуры, недоуничтоженной централизующим себя французским абсолютистским государством. Он, может, и занялся беседами с артистами и артистками первой волны русской эмиграции, собранными в книгу *Эвтерна, где ты?* (Москва, 2008), что они тоже были обломками некогда большой и значимой культуры. Кто бы вспомнил теперь про «чёрную жемчужину русского балета», приму труппы Балланчина, Тамару Владимировну Туманову (Хасидович)²³, кто бы заинтересовался её фантастической судьбой?

Филиппа Эрсана²⁴ на стихи советских и французских эзков согласился быть, скорее всего, потому что тоже предстательствовал за всех уничтоженных или недоуничтоженных. Кстати, в этом согласии старого человека, никогда не стоявшего на театральных (а уж тем более, оперных) подмостках, тоже немалая доля весёлого авантюризма, без которого не прожить в условиях социальной катастрофы.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнов Василий. «Круглые сутки нон-стоп». *Новый мир* 8 (1976): 51–122.
Византийские легенды / Изд. подгот. [и статью написала] С. В. Полякова. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1972.
 Гаспаров Михаил. «Записи и выписки». *Новое литературное обозрение* 29 (1998): 433–445.
 Мандельштам О. Э. *Четвёртая проза*. Москва: Правда, 1991.
 Мейлах Михаил. «Иван Аксёнов — переводчик елизаветинцев». Мейлах Михаил. *Поэзия и миф*. Москва: Языки славянской культуры, 2017a: 548–567.
 Мейлах Михаил. «Об учителях. Из филологических воспоминаний». Мейлах Михаил. *Поэзия и миф*. Москва: Языки славянской культуры, 2017b: 903–933.
 Мейлах Михаил. «Пожизненно заключённые. Небеглые заметки об одной беглой библиотеке». Мейлах Михаил. *Поэзия и миф. Избранные статьи*. Москва: Языки славянской культуры, 2017c: 767–769.
 Мейлах Михаил. «Поэт сам узнаёт по темпераменту своего предшественника» Беседа с И. А. Бродским. Мейлах Михаил. *Поэзия и миф*. Москва: Языки славянской культуры, 2017d: 826–831.

²³ Туманова Тамара Владимировна (Хасидович), 1919–1996 — прима-балерина, хореограф, киноактриса. Исполняла главные партии в созданных под её технические данные балетах Сержа Лифаря, Леонида Мясина, Джорджа Балланчина, Брониславы Нижинской. Снималась в голливудских фильмах, в частности «Дни славы» (1943, Жак Турнёр), «Разорванный занавес» (1966, Альфред Хичкок).

²⁴ Эрсан Филипп, 1948 — французский композитор.

- Мейлах Михаил. «Софья Викторовна Полякова, или Об одном прециозном идеолекте». Мейлах Михаил. *Поэзия и миф. Избранные статьи*. Москва: Языки славянской культуры, 2017e: 934–942.
- Мейлах Михаил. «Три поездки в Норенскую. По записям того времени». Мейлах Михаил. *Поэзия и миф. Избранные статьи*. Москва: Языки славянской культуры, 2017f: 805–815.
- Найман А. Г. «Б. Б. и др.». *Новый мир* 10 (1997): 11–79.
- Сталин Иосиф. *Сочинения*. Т. 11. Москва: ОГИЗ, 1949.

REFERENCES

- Aksyonov Vasilij. «Kruglye sutki non-stop». *Novyj mir* 8 (1976): 51–122.
- Gasparov Mihail. «Zapisi i vypisi». *Novoe literaturnoe obozrenie* 29 (1998): 433–445.
- Mandel'shtam O. E. *Chetyortaya proza*. Moskva: Pravda, 1991.
- Mejlah Mihail. «Ivan Aksyonov — perevodchik elizavetincev». Mejlah Mihail. *Poeziya i mif. Izbrannye stat'i*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2017a: 548–567.
- Mejlah Mihail. «Ob uchitelyah. Iz filologicheskikh vospominanij». Mejlah Mihail. *Poeziya i mif. Izbrannye stat'i*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2017b: 903–933.
- Mejlah Mihail. «Pozhiznenno zaklyuchyonnye. Nebeglye zametki ob odnoj begloj biblioteke». Mejlah Mihail. *Poeziya i mif. Izbrannye stat'i*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2017c: 767–769.
- Mejlah Mihail. «Poet sam uznayot po temperamentu svoego predshestvennika» Beseda s I. A. Brodskim. Mejlah Mihail. *Poeziya i mif. Izbrannye stat'i*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2017d: 826–831.
- Mejlah Mihail. «Sof'ya Viktorovna Polyakova, ili Ob odnom precioznom ideolekte». Mejlah Mihail. *Poeziya i mif. Izbrannye stat'i*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2017e: 934–942.
- Mejlah Mihail. «Tri poezdki v Norenskuyu. Po zapisyam togo vremeni». Mejlah Mihail. *Poeziya i mif. Izbrannye stat'i*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2017f: 805–815.
- Najman A. G. «B. B. i dr.». *Novyj mir* 10 (1997): 11–79.
- Stalin Iosif. *Sochineniya*. T. 11. Moskva: OGIZ, 1949.
- Vizantijskie legendy* / Izd. podgot. [i stat'yu napisala] S. V. Polyakova. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1972.